

У-86

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

УТУРГАУРИ Светлана Николаевна

894.35 - 3 "312"

СОВРЕМЕННАЯ ТУРЕЦКАЯ ПРОЗА.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

10.01.06 - литература народов
зарубежных стран
Азии и Африки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 1986

Работа выполнена в Отделе литератур народов Азии
Института востоковедения АН СССР

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Х.Г.КОРОГЛЫ
доктор филологических наук, профессор
А.А.ДОЛИНИНА
доктор филологических наук, профессор
М.-Н.О.ОСМАНОВ

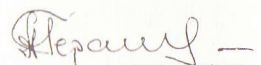
Ведущая организация - Институт мировой литературы им.А.М.Горького
АН СССР

Защита состоится "17" октября 1986 г.
на заседании специализированного совета Д.003.01.04 по филологическим наукам при Институте востоковедения АН СССР (Москва, ул.Жданова, д.12)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института востоковедения АН СССР (Москва, ул.Жданова, д.12)

Автореферат разослан "11" сентября 1986 г.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат филологических наук

А.С.ТЕРАСИМОВА

© Институт востоковедения АН СССР, 1986

Общая характеристика работы

Обоснование темы. Исследование современного мирового литературного процесса требует учета опыта литератур Востока, без знания которого невозможно правильно оценить ни мировой литературный процесс, ни место и роль в нем отдельных национальных литератур. Современная турецкая литература может быть осмыслена и в контексте мирового литературного развития, и как одна из высших художественных ценностей собственно-национального искусства. В настоящей работе она рассмотрена как явление национальное, обусловленное социально-исторической ситуацией, состоянием современного эстетического сознания, спецификой художественных традиций.

Живую, динамичную, разностойную турецкую литературу, по мнению диссертанта, целесообразно осмыслить во всей совокупности определяющих ее явлений, учитывая и развивающийся литературный процесс. Но при этом как одна из первоочередных встает задача определения границ изучаемого материала. С учетом этого обстоятельства в качестве непосредственного объекта исследования избрана проза.

Проза дала турецкой литературе талантливые произведения в первую очередь в жанре романа, с которым, как известно, связываются представления о высших достижениях реализма. Утверждение романа в качестве жанра доминирующего - есть проявление зрелости реализма, показатель его координирующей роли в общем движении литературы. А это означает, что на современном этапе проза воплощает определяющие тенденции литературного процесса, которые - не столь ярко, полно и разнообразно - проявляются и в других видах словесности, в национальном искусстве в целом. Углубленное рассмотрение прозы как самого значительного явления литературного процесса, своего рода его индикатора, не

только проясняет характер этого процесса, но и обогащает, расширяет существующие представления об общем и особенном в развитии мировой литературы, обеспечивает более многогранный подход к комплексу теоретических проблем литературоведческой науки.

Цели и задачи исследования. Цель диссертации состоит в том, чтобы на основе изучения современной турецкой прозы, играющей ведущую роль в национальном литературном процессе, выявить тенденции и закономерности этого процесса, наиболее перспективные в контексте национального и мирового литературного развития.

Исследование литературного процесса предполагает различные теоретические и историко-литературные аспекты. В диссертации рассматриваются самые крупные художественные образования – направления. Автор считает, что художественные направления – это не только объективно существующие явления, сложившиеся под влиянием многих общественно-исторических и культурных факторов, функционирующие в конкретных исторических условиях и характеризующиеся общностью социальных, политических, философских, нравственных идеалов, понятий, принципов художественного постижения жизни, они к тому же и наиболее устойчивая система координат, позволяющая четко и надежно классифицировать исследуемый материал, ориентироваться в нескончаемом потоке явлений и фактов. "Несомненно, что изучение литературных направлений и течений представляет собой важный момент в выяснении закономерностей процесса" (М.Б.Храпченко). Диссертант рассматривает метод и направление как взаимосвязанные стороны целостной эстетической системы, каждая из которых имеет свое назначение: метод – наиболее общие принципы отбора, осмысления, изображения и оценки явлений действительности с определенных идейно-эстетических позиций – структура системы, направление – ее функциональное выражение, т.е. реальная форма существования метода. Метод составляет основу направления, но направление методом не исчерпывается, поскольку оно характеризуется сверх того всей совокупностью и исторической спецификой созданных им художественных ценностей, их местом и значением в развитии художественного сознания.

Диссертант ставит перед собой задачу определить идейно-эстетическое своеобразие художественных направлений, провести

их внутреннюю дифференциацию, выяснить функциональную роль с тем, чтобы с наибольшей степенью эффективности реализовать конечную цель исследования.

Основные линии развития современной турецкой словесности проявляются в реалистическом направлении. Порожденные эстетическими потребностями времени и общества, они свидетельствуют о фронтальном наступлении реализма и вытеснении нереалистических направлений, стремительном развитии литературы социалистической ориентации. В русле этого направления развивается новая – субъективно-психологическая проза, происходит становление оригинального течения – социально-психологического. Эти ведущие и наиболее перспективные линии определяют принцип организации материала в исследовании, состоящем из четырех глав, каждая из которых имеет свою внутреннюю структуру, обусловленную своеобразием и содержанием привлекаемого материала: I. – "Литература буналым" и проблема модернизма"; II. – "Проза социалистической ориентации"; III. – "Субъективно-психологическая проза"; IV. – "Социально-психологическая проза".

Доминирующие тенденции прослеживаются в их динамике и на разных уровнях: идейном, проблемно-тематическом, жанровом. С этой целью для конкретного анализа избраны наиболее значительные произведения, характеризующие те или иные грани литературного процесса.

Анализируются произведения по единому принципу, все элементы художественной структуры произведения рассмотрены в связи с их функциональной ролью в реализации художественной концепции действительности. Хотя концепция эта как эстетическая категория специально не рассматривается, она постоянно учитывается автором, поскольку важна для определения границ между направлениями, для различения понятий "модернизм", "реализм", "литература социалистической ориентации".

Избранное направление поиска позволяет охватить большой фактический материал и широкий круг вопросов; некоторые из них, например, проблема модернизма, литературы социалистической ориентации и других течений, рассмотрены на концептуально-теоретическом уровне, ряд вопросов лишь намечены в надежде, что найдут решение в специальных исследованиях. Имеется в виду прежде всего определенный круг проблем, связанных с литературой, находящейся в орбите социалистических идей, с генезисом

и развитием жанра романа, с ролью фольклорных традиций в формировании и поступательном движении национальной литературы.

В качестве основного метода исследования избран метод социально-исторического анализа, обеспечивающий точные социально-исторические критерии, необходимые для объективной интерпретации идейно-эстетической сущности литературных явлений. Без соотнесения с жизненными социальными истоками невозможно глубокое осмысление литературных явлений, в частности современной турецкой прозы, все уровни которой предельно насыщены общественным субстратом. В отдельных случаях (при рассмотрении, например, прозы модернистского типа, прозы социалистической ориентации, а также романских структур) используется методика сравнительно-типологического изучения явлений литературы, что помогает проникнуть в диалектику общего и национально-особенного в литературном процессе.

Актуальность и научная новизна исследования. Хотя понятия "современная проза", "современный литературный процесс" относятся к периоду 40-х - начала 80-х годов, автор считает целесообразным сосредоточить усилия на 60 - 70-х годах, поскольку типичные для современного литературного процесса явления и тенденции во всей их яркости, полноте и разнообразии проявились именно в эти десятилетия.

60 - 70-е годы - самый сложный период в истории республики; турецкое общество переживает многосторонний кризис. Крушение надежд, связанных с государственным переворотом 1960 года, порождает настроения неудовлетворенности, разочарования. В то же время зреет понимание того, что буржуазные устои изжили себя, что необходимы радикальные перемены. Поиск путей общественного прогресса обуславливает широкую популярность социалистических идей, способствует интенсивному росту классового и национального самосознания. Обостряется идеологическая борьба, ширится рабочее движение. Усиливается политическая активность мелкобуржуазных слоев, демократически настроенной интеллигенции, большой размах приобретают антибуржуазные и антиимпериалистические выступления молодежи. Ужесточаются репрессии против левых и либеральных сил. Страну сотрясают государственные перевороты.

Как следствие изменений, которые происходят в мировоззрении творческой интеллигенции под влиянием социалистических

идей, намечаются глубинные преобразования литературно-художественного сознания, постепенно меняющие характер литературного процесса; возникают новые тенденции, интенсивно развиваются те, что сформировались в предыдущие десятилетия.

60 - 70-е годы - литературные и общественно-исторические рубежи, важные не только для Турции, но и для большинства стран Востока. Не случайно к ним приковано внимание советских ученых, литературоведов в частности, о чем свидетельствуют монографии Е.П.Челышева "Современная индийская литература" (1981), С.В. Прожогойной "Магриб. Франкоязычные писатели 60 - 70-х годов" (1980), "Рубеж эпох - рубеж культур. Проблемы типологии литературы на французском языке в странах Северной Африки" (1984), К.Рехо "Современный японский роман" (1977), Л.А.Аганиной "Человек, общество и религия в современной непальской поэзии" (1985), Н.И.Чегодарь "Человек и общество в послевоенной литературе Японии" (1985), а также ряд коллективных работ, подготовленных Институтами востоковедения и Мировой литературы АН СССР, в частности - "Теории, школы, концепции (теоретические анализы). Художественный процесс и идеологическая борьба" (1977), "Идеологическая борьба и современные литературы зарубежного Востока" (1977), "Литература стран зарубежного Востока 70-х годов. Реализм на новом этапе" (1982), "Современные литературы Азии и Африки и идеологическая борьба" (1982). На основе этих исследований возникает возможность проведения более широкого типологического сопоставления, создания трудов по исторической систематизации литературного процесса на Востоке после 1945 г. Настоящее исследование является важным звеном этой широкой программы. Выявленные в процессе изучения конкретного материала закономерности имеют безусловное значение для понимания динамики художественного сознания и характера литературного процесса не только в Турции, но и в других странах Востока.

Актуальность работы определяется еще и тем, что в центр ее выдвинуты проблемы литературы, находящейся под воздействием социалистических идей, играющей ведущую роль в национальном литературном развитии. Их рассмотрение расширяет представление о характере и путях развития ведущей гуманистической тенденции мировой литературы, дает новые убедительные аргументы, развенчивающие миф об импорте социалистического искусства, доказывающие неслучайность его возникновения в разных странах на опре-

деленном этапе их общественного и культурного развития, органичность интеграции мировой литературой литератур Востока и несостоятельность, беспочвенность европоцентристских взглядов на этот процесс, а также дает дополнительный материал для фундаментальных обобщений в области теории социалистического искусства, для более глубокого осмысления идеологических процессов в Турции и в других странах Востока.

Настоящая работа – первое исследование турецкой прозы последних десятилетий. Новым для ориентального литературоведения является и многостороннее рассмотрение одной из современных литератур в масштабе национального литературного процесса, предполагающее изучение механизмов его развития, тенденций и закономерностей.

Методологической основой исследования послужили труды основоположников марксизма-ленинизма, стержневое положение марксистской эстетики о социально-исторической обусловленности явлений искусства, теоретические принципы советской литературоведческой науки, труды советских востоковедов, философов, историков, политологов. Основной фактический материал составили более девяноста произведений различных прозаических жанров, большая часть которых вводится в научное обращение впервые.

Практическое значение данного исследования видится в том, что оно может быть использовано при чтении университетских курсов по истории литератур Востока и спецкурсов по зарубежным социалистическим литературам, может найти применение при создании учебных пособий, обобщающих теоретических работ, при написании академической истории турецкой литературы. Исследование дает возможность оценить роль творческой интеллигенции в формировании общественного сознания в Турции.

Публикации. По теме диссертации опубликованы монография "Турецкая проза 60 – 70-х годов. Основные тенденции развития" (М.: "Наука", 1982), а также ряд статей и докладов, перечень которых дан в конце автореферата.

Научная апробация. Основные положения диссертации в форме докладов были изложены на VI Всесоюзной туркологической конференции (Ленинград, 1973), на II, III и V Международных симпозиумах по теоретическим проблемам литератур Азии и Африки

(Варшава, 1972; Берлин, 1976; Варна, 1984), на V Международном туркологическом конгрессе (Стамбул, 1985). Полный текст диссертации обсужден на расширенном заседании Отдела литератур народов Азии Института востоковедения АН СССР в декабре 1985 г. Монография положительно оценена на страницах журнала "Азия и Африка сегодня", 1984, № 3 (на французском и английском языках. Рецензия М.Михайловой), а также ежегодника Словацкой Академии наук "Asian and African Studies", XXI, 1985 (рецензия К.Цельнаровой).

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, которая включает источники и труды по литературоведению, эстетике, истории, идеологии и философии.

Во введении обосновывается тема диссертации, ее актуальность, новизна, раскрывается предмет исследования, формулируются цель, задачи. В обзоре литературоведческих работ турецких ученых подчеркивается, что они, как правило, отдают предпочтение средневековому периоду отечественной словесности, выражая твердое убеждение, будто подлинную национальную ценность составляет лишь классическое наследие, и отражая тем самым глубокие противоречия буржуазного научного мышления в Турции, ориентирующегося на официальные идеологические установки, проникнутого духом субъективизма, национализма, антикоммунизма, чем и объясняется их неспособность объективно осмыслить прогрессивный характер современной литературы как нового явления национальной культуры.

В первой главе характеризуется литература, следовавшая эстетическим принципам модернизма и испытывавшая влияние западных субъективистско-ирреалистических философских концепций, представители которой тяготели к эксперименту, занимались поиском новых изобразительных средств, проявляя особый интерес к технике письма французской школы "нового романа". Заимствовав некоторые его приемы, в частности внутренний монолог, воплощенный в форме "потока сознания", они проявили себя в прозе малых форм, так и не создав романа. Более поздние эксперименты французских авторов – "новый" "новый роман", "тексты", группы "Телькель" и другие – уже не привлекали их, эксперимент турецких модернистов оказался скоротечным и менее плодотворным.

Турецкие критики часто связывают свою модернистскую литературу с именами Кафки, Камю, Сартра, Де Бовуар. Подобная аналогия, как показано в работе, небезосновательна: экзистенциализм в турецкой литературе, как и во многих других литературах XX века, действительно связан с творчеством этих писателей, которое в Турции было понято исключительно как выражение антибуржуазного протеста.

То обстоятельство, что экзистенциалисты провозглашали право человека на создание морали, чуждой буржуазной условности, поддерживали бунтарское отношение к буржуазному обществу, не отстранялись от марксизма, заявляли о своей "приверженности" ему, несомненно повлияло на молодых турецких прозаиков, которые искренне желали радикальных перемен, быстрой и решительной ломки существующего миропорядка, протестовали против социального и духовного подавления личности, но, не имея твердой политической и идеологической позиции, не смогли преодолеть мелкобуржуазного мировоззрения своей социальной среды. Субъективно они с ненавистью созерцали окружающий их мир, объективно же их творчество содержало в себе многие черты этого отвергаемого ими мира.

По поводу самого факта возникновения литературы модернистского типа турецкими учеными высказываются различные точки зрения. Полемизируя с ними, диссертант придерживается мнения, что идеи экзистенциализма по-разному преломляются в литературах Востока, что турецкая литература воплощает существенные его черты, однако представляет собой не только художественное направление, но и определенное общественное явление. Вызванная к жизни обстоятельствами национальной истории, порожденная сложной совокупностью фактов социальной и политической жизни страны, она отразила духовный кризис мелкобуржуазной, в том числе творческой, интеллигенции. Об этом говорит и само название — "литература буналым" ("буналым" — это "кризис", "затруднение", "стеснение", "угнетенность", "угрожающее состояние психики"). Поскольку понятие "литература буналым" по своей семантике неоднозначно, автор интерпретирует его как "литература отчуждения", что наиболее точно отражает как мировоззренческие позиции писателей, так и модель мира и личности в их произведениях. Поэтому было бы ошибкой рассматривать "литературу буналым" лишь как дань моде, подражание Западу.

Подобная точка зрения еще может быть оправдана, когда речь идет об эпигонской продукции модернистского толка, но совершенно неприменима к произведениям талантливых и самобытных художников (Октай Акбал, Демирташ Джейхун, Бильге Карасу и др.).

Очевидно, что исследование модернистской линии развития современной турецкой прозы имеет важное историко-теоретическое и методологическое значение, помогает правильно понять существенные стороны литературного процесса, в частности прояснить характер взаимосвязей модернизма с реалистическим методом, место и роль его в общем движении литературы и одновременно привлечь внимание к своеобразию этого явления в литературах Востока.

Рассмотрение модернистской тенденции в ее историческом развитии показывает, что уже в середине 50-х годов небольшая группа молодых прозаиков (Орхан Дуру, Ферид Эдгю, Оздемир Нутку и другие), объединившись вокруг журнала "Мави", выступила с критикой эстетики реализма, по сути отрицая своей программой основной принцип реализма — правдивое отображение действительности, человеческой личности в ее многообразных отношениях с окружающим миром. Сложный комплекс проблем человеческого бытия они свели к проблеме одиночества человека в современном буржуазном мире, отобразив отчуждение с позиции самого отчужденного индивида. К началу 60-х годов "новая" литература, за которой закрепилось название "литература буналым" ("буналым эдебияты"), оформилась в самостоятельное направление.

Оппозиция человек — общество позволяет отметить наличие в нем двух различных и в то же время взаимодействующих тенденций. Одна из них тяготеет к фрейдистской концепции личности, в аспекте которой создается универсальная модель отчужденного героя. Убеждение в том, что человек находится во власти враждебных инстинктов, что власть эта неистребима и, следовательно, личность асоциальна, подводит сторонников этой концепции к отказу от художественного исследования жизни. Проблема человек — общество решается однозначно: человек является жертвой собственного "я". Таким образом, полагая, что причины отчуждения, герметизации личности кроются в ее биологической природе, и выражая тем самым характерную для крайних форм индивидуалистического сознания мысль о дисконтантности человека, абсолютизируя эту мысль, писатели создают в своих

произведениях модель самоценной личности, лишенной национальных признаков, свободной от общественных связей, духовно опустошенной, убежденной в абсурдности, бессмысленности человеческого бытия в современном мире, личности, типичной для модернистской литературы.

Как, какими художественными средствами создавалась и раскрывалась концепция действительности, сформировавшаяся под воздействием фрейдистских идей, показано на произведениях Неджати Тосунера (повесть "Черты ущербного человека", рассказы - "В тупике", "Узел", "Его старший брат", "На мосту Мари", "Как ряд вещей" и др., 1969).

Тенденция "литературы буналым", связанная с экзистенциалистским восприятием мира и человека, наиболее отчетливо прослеживается в творчестве Тахсина Юджея, Демира Озю, Лейлы Эрбиль, Оната Кутлара, Юсуфа Атылгана, Вусаат О.Бенера, Бильге Карасу, Кямурана Шипаля, Селима Илери и др. Разделяя прогрессивные взгляды турецкой интеллигенции и принимая идеи социального равенства, они принимают и многие принципы эстетики модернизма. Центральной для их произведений также является проблема отчуждения. Но решают они ее по-иному, не изолируя героев от внешней реальности, не объясняя их трагедию биологическими причинами. В основе их построений идея якобы имманентно присущей любому явлению слепой силы случая, противостоять которой человеку не дано.

Художественная реализация экзистенциалистской концепции хаотичного мира и обреченного в нем на одиночество человека и своеобразие этой тенденции прослеживаются на рассказах Лейлы Эрбиль ("Ночь", "Покойник", "Крик фокусника", "Всевышний", "Бухта", "Зеркало" и другие, 1968), которые написаны либо в эпистолярной форме, либо в форме внутреннего монолога. В поисках новых выразительных средств писательница активно использует "поток сознания", отказывается от знаков препинания, вводит в текст подлинные документы (фотокопии извещений, газетные статьи, рекламы, видовые открытки и т.д.) либо стилизует их. Поэтика рассказов своеобразна: нет эпитетов, метафор, сравнений - тех элементов, которые эмоционально окрашивают повествование и способствуют косвенному выражению авторской оценки. В результате создается ощущение полного слияния точек зрения автора и ее отчужденных героев, к тому же исче-

зает выработанная современной турецкой прозой прозрачность стиля.

При всем том, что обе тенденции отличаются двойственностью, свойственной модернизму, - антибуржуазная направленность, кризисное мироощущение, чувство разочарованности и одновременно капитуляция перед хаосом социальной действительности, подчеркнутый индивидуализм и субъективизм, - нельзя не увидеть и принципиального различия между ними. Оно состоит в том, что произведения, тяготеющие к экзистенциалистской концепции мира и человека, объективно неся в себе критику буржуазного общества и отражая его деградацию, представляют как бы сложный синтез модернистской и реалистической концепции действительности, которая придает им социальное звучание, подтверждающее мысль о том, что турецкий модернизм сам по себе неопределен и что, по крайней мере, у крупных художников он проявляется чаще всего не в "чистом" виде. Черты реализма обнаруживаются уже в повестях и рассказах писателей-экзистенциалистов 50-х годов. В ходе эволюции "литературы буналым" в произведениях талантливых художников Севги Сойсал, Эрдала Оза, Лейлы Эрбиль и других реалистическая концепция вытесняет модернистскую. Понять до конца этот процесс невозможно, не учитывая, что представители "литературы буналым" считали себя марксистами, реалистами и понимали свою деятельность как форму протеста против буржуазной действительности и вместе с тем как борьбу за обновление выразительных средств в искусстве. И хотя их философско-эстетические принципы противоречили подобным устремлениям, такая позиция играла немаловажную роль в разрыве с модернизмом: она вела к осознанию писателями своей изолированности от жизни общества, к ощущению, что они оказываются в творческом тупике, к поиску выхода. Огромное значение имело при этом особое положение турецкой интеллигенции, которую сама логика общественно-исторических процессов выдвигала на передний край нарастающей социально-освободительной борьбы, ставила перед необходимостью занять активную гражданскую позицию. Осознанию представителями "литературы буналым" обреченности своих художественных поисков, их антисоциальности, того, что они неспособны отразить важнейшие явления общественной жизни, во многом способствовали бурные политические события 60-х - начала 70-х годов, обострившаяся

идеологическая борьба. Социалистические идеи, которые в этот период буквально захлестнули творческую интеллигенцию, влияли не только на идейно-эстетические позиции писателей-реалистов, но и косвенно углубляли кризис модернизма.

Таким образом, внутренние противоречия "литературы буналым" привели к тому, что под воздействием общественно-политических и духовных процессов писатели-модернисты отходят от принципов упаднической литературы. Наиболее талантливые из них примыкают к различным реалистическим течениям. В начале 70-х годов "литература буналым" как самостоятельное направление изживает себя. Творческая судьба ее представителей свидетельствует о том, что переход от модернизма к реализму не был плавным. Он сопровождался своеобразным взрывом прежних субъективистско-идеалистических концепций и эстетических принципов. Иначе и не могло быть, потому что это был переход на новые творческие позиции, которые определялись принципиально иным мировосприятием. Порвав с "литературой буналым", писатели, однако, не отказались от элементов прежней поэтики, которые в преобразованном виде и в иной функции способствовали выражению уже иного идейно-эстетического содержания.

Параллельное развитие двух концепций – модернистской и реалистической, обращение к демократическому герою, отражение антиимпериалистических настроений, характерных для турецкой мелкобуржуазной интеллигенции, свидетельствуют о том, что "литература буналым" хотя и связана с модернизмом, целиком в его русло не укладывается и представляет своеобразную турецкую модификацию модернизма. Своеобразна и ее функциональная роль в литературном процессе. Как бы ни были активны ее создатели, она никогда не играла ведущей, определяющей роли, никогда не могла затмить, оттеснить реалистическую литературу. Не смогла даже замедлить развития реализма, который противостоял ей без каких-бы то ни было потерь, и, более того, в этом противостоянии укреплял свои позиции, углубляя идейно-эстетические возможности турецкой словесности в целом. Учитывая специфические особенности "литературы буналым", корректнее, очевидно, определить ее как литературу модернистского типа.

Присущие же "литературе буналым" общие закономерности модернизма проявляются в различных аспектах: аспекте философском – в стремлении дискредитировать человека, изобразить мысль

бесперспективной, разум – бессильным, а объективный мир – непознаваемым; аспекте общественно-эстетическом – в проповеди крайнего индивидуализма и нравственного своеволия; аспекте эстетическом – в отсутствии позитивного идеала, в разрыве с реалистическим искусством и в отрыве от национальных художественных традиций.

Однако именно специфические особенности "литературы буналым" обусловили возможность стремительного перехода писателей на новые философские и эстетические позиции, постижения и изображения действительности в многообразии ее социально-политических конфликтов, нравственных исканий, именно они проливают свет на своеобразие этого явления в литературах Востока, способствуют более глубокому осмыслению идеологических процессов и умонастроений творческой интеллигенции этих стран.

Во второй главе раскрывается характер прозы, связанной с социалистическими идеями, выявляется многообразие форм художественного обобщения, прослеживаются изменения в реализме как следствие художественной реализации концепции действительности, основанной на революционном миропонимании.

Учитывая, что турецкие критики называли это явление "социальным реализмом" ("топлумджу герчекчили"), а затем – с осознанием его связей с социалистическими идеями – "социалистическим реализмом" ("топлумсаль герчекчили"), диссертант считает целесообразным, сделав необходимые оговорки, сохранить в качестве рабочего термина первоначальное определение.

"Социальный реализм" – мощное, внутренне неоднородное (имеется в виду проблематика, формы художественного обобщения, стиль) течение, которое начало формироваться с приходом в литературу яркой плеяды прозаиков 40-х годов (Орхан Кемаль, Кемаль Тахир, Азиз Несин, Самим Коджагёз, Кемаль Вильбашар, Яшар Кемаль и др.), в последующее десятилетие оно пополнилось за счет притока самобытных талантов (Махмут Макал, Талип Апайдын, Факир Байкурт, Керим Корджан, Бекир Йылдыз, Дурсун Акчам, Лютфи Калели, Умит Кафтанджиоглу и др.). Открыто демонстрируя связь с освободительной борьбой, оно стало ведущим в национальном литературном процессе. Его представители тяготеют к социализму как философскому учению, способному вывести из лабиринта сложных социальных противоречий и указать перспективы общественного прогресса. Социалистически ориентированное сознание в

корне меняет представление художников о состоянии мира, месте и роли в нем человека.

Важнейшая сущностная черта "социального реализма" заключается, по мнению автора диссертации, в социалистическом взгляде на мир, обуславливающим понимание необходимости революционных преобразований во имя общественного прогресса. В диссертации эта тенденция рассматривается как выражение стремления турецких писателей к постижению глубинных закономерностей изменяющейся действительности.

Социалистический взгляд на мир проявляется в понимании "социальными реалистами" объективного хода истории, в рассмотрении личности, индивида как продукта общественного развития, субъекта труда, общения и познания, детерминированного конкретно-историческими условиями жизни. Последнее — это чрезвычайно важно — находит выражение в концепции личности активного социального действия. Судьба нового человека противостоит в их творчестве судьбе погибающей в хаосе мироздания личности, рожденной индивидуалистическим сознанием "литературы буналым". Иной предстает концепция личности и в критическом реализме 30-х годов, изображающем "маленького человека" жертвой дегуманизированного собственнического мира, вызывавшей сентиментальное сочувствие, чему отвечала и идея фетишизации власти обстоятельств над ним. Как следствие этого, возникало ощущение неизбежности его поражения.

Гуманистическая концепция, основанная на революционном миропонимании, укрепляющая веру человека в себя, в будущее, воплощала идейно-эстетический идеал "социальных реалистов", расширяла горизонты эстетического освоения действительности, стимулировала исследование новых общественных явлений, поиски художественных форм и средств отражения перемен, происходящих в историческом бытии народа, и, в конечном счете, вела к существенному изменению характера реализма. Наиболее определенно эта закономерность нашла выражение в произведениях Орхана Кемала, чье творчество является концентрированным воплощением сущностных признаков литературы социалистической ориентации. При изучении "социального реализма" в целом в центре внимания постоянно находится процесс возникновения новых тенденций в творчестве писателей, идущих к изображению активного

начала в человеке.

В соответствии со своей концепцией личности "социальные реалисты" моделируют принципиально новый тип литературного героя — труженика, разрывающего путы традиционного сознания, начинающего осознавать свою социально-классовую принадлежность, свою историческую миссию и выступать за общенародные интересы. При этом огромное значение приобретает попытка создать тип героя, обладающего силой нравственного примера, а значит, способного соответствующим образом влиять на развитие народного самосознания. Но исторически-конкретного образа героя, имеющего ясное представление о перспективах общественного прогресса, о путях и способах радикального преобразования общества, "социальный реализм" не создал. Пока такой герой удался только Назыму Хикмету — художнику, значительно опередившему отечественную литературу, сумевшему в силу масштабности таланта, непосредственного соприкосновения с историческим, культурно-литературным опытом, духовной атмосферой послереволюционной России, высокохудожественно выразить идеи научного социализма, воплотить свой эстетический идеал в образе коммуниста-интернационалиста. В диссертации подробно анализируются структурно-содержательные особенности романа Назыма Хикмета "Жизнь — прекрасная штука, брат мой!" (1962), который имеет важное значение для понимания изменений, происходящих в турецкой литературе под влиянием социалистических идей. К тому же своей оригинальной "центростремительной" конструкцией, основанной на использовании "внутреннего монолога", ассоциативных связей, роман подтверждает, что метод социалистического реализма предполагает разнообразие форм и способов художественного постижения мира.

Обращаясь к образу человека, пробуждающегося к активному действию, "социальные реалисты" осмысливают сам факт появления личности такого типа как закономерное следствие глубоких общественных процессов, более того, с ним связывают социальные перспективы. Но, отражая сложный характер самой жизни, они избирают разные пути и способы воплощения своего эстетического идеала. Преимущественно герой нового типа рисуется в экстремальных, драматических ситуациях, выделяется из общей массы, возвышается над ней. Здесь нетрудно обнаружить необорвавшиеся связи с романтическими героями народных дестанов,

элементы традиционного представления о народном вожаке. (Керим Корджан – повесть "Татарин Рамазан", 1969, Кемаль Бильбашар – дилогия "Джемо", 1966 – "Мемо", 1968). Писатели, более склонные к новаторству, отдают предпочтение герою, действующему в подчеркнута будничной обстановке, лишенному налета исключительности, незаурядности, тем самым углубляя проблематику, заставляя задуматься о потенциальных возможностях массы (Орхан Кемаль – романы "Джемиле", 1952, "На урожайных землях", 1964 и др., рассказы – "Забастовка", "Братская доля", "День выслушивания жалоб" и др.; Азиз Несин – роман "Так было, но так не будет", 1966).

Изображение человека, преодолевающего в себе инерцию покорности, начинающего понимать социальную обусловленность повседневных тягот жизни, отнюдь не исключает воспроизведения личности полярного типа, сознание которой остается в пределах регламентированных традиционных представлений, пережитков патриархально-племенных устоев. В главе отмечается, что подобный тип сознания художественно осмысливается как социально обусловленное трагическое явление, как одно из самых серьезных препятствий на пути общественного прогресса. Эта важная для понимания характера "социального реализма" закономерность рассматривается на рассказах Бекира Йылдыза, Дурсуна Акчама, Османа Шахина, а также на романе "Муртаза" (1964) Орхана Кемалья – писателей, которые резко критически оценивают личность, неспособную преодолеть рабскую психологию, отстаивать свое достоинство, подчиняющуюся чужой воле; они утверждают эстетический идеал "социального реализма" не "прямо и положительно", а через отрицание той реальности, которая калечит людские души и судьбы.

Таким образом, пристальный интерес к сознанию, нравственной ценности отдельной личности означает понимание писателями зависимости общественных перемен от степени зрелости социального сознания демократических слоев и определяемой им психологии поведения, что и становится центральным объектом художественного исследования в творчестве "социальных реалистов". Проблема духовного и социального раскрепощения, поднятая в романах Садри Эртема ("Когда останавливаются прялки", 1931), Назыма Хикмета ("Кровь не говорит", 1937), в разных ее аспектах содержится, как это доказывается в исследовании, во всех значительных произведениях писателей социалистической ориен-

тации, что дает возможность проследить движение литературы ко все более углубленному и многостороннему социально-психологическому анализу характеров, поступков человека в тесной связи с социально-исторической реальностью его бытия.

Постижение глубин социальной психологии, ее динамики как важнейшего фактора общественного прогресса одновременно с пристанным изучением явлений, под воздействием которых она формируется, – важнейшая черта "социального реализма".

Глубокий демократизм, заложенный уже в самой концепции пре-зы социалистической ориентации, проявляется и во всестороннем изображении жизни народа, и в органической связи творческих устремлений писателей и социальных чаяний трудящихся масс, которые воспринимаются художниками как потенциально наиболее прогрессивная часть нации. Уже не отдельные авторы, а целые поколения писателей, придерживающиеся одинаковых или близких творческих принципов, вводят в повествование представителей "низов" – крестьян, ремесленников, рабочих, мелких чиновников – героев, способных оценить действительность, выражают их точку зрения на изображаемые явления.

Осознанное стремление исходить в оценке действительности из интересов народа, как и анализ общественных явлений, непосредственно влияющих на изменение социальной психологии личности, придает универсальность критике "социальных реалистов", остроту их выводам об антинародном характере, исторической исчерпанности существующего миропорядка. Смелое переосмысление социальных и духовных ценностей современного турецкого общества позволяет им дать глубокий критический анализ всего того, что составляет содержание его жизни.

Вполне закономерно, что проза социалистической ориентации, сложившаяся на турецкой почве и связанная с особыми национально-культурными традициями, отражающая жизнь общества, для которого социализм – лишь историческая перспектива, призвана доступными ей средствами реализовать важнейшие задачи своего исторического времени: последовательное разоблачение существующего миропорядка во всех сферах его проявления – социальной, экономической, политической, духовной – в конечном счете, его тотальное отрицание. Поэтому вполне естественно, что идейно-содержательная и эстетическая сущность "социального реализма" определяется необходимостью обличения, от-

рицания и разрушения реальности, а не утверждения и созидания. Однако его отличие от критического реализма, находящегося в орбите тех идейных и художественных интересов, которые обусловлены "постижением увеличивающихся несовершенств мира" (М.Б. Храпченко), состоит в том, что в самом движении жизни он увидел реальные пути и возможности коренного обновления общества.

Изменения в реализме рассматриваются в диссертации как проявление трансформации, которая наметилась в философско-эстетическом сознании под влиянием социалистических идей. При этом особо подчеркивается, что тот тип образного мышления, который должен "...идти вровень с развитием научных общественных представлений эпохи" (Ю.А. Андреев), у турецких прозаиков еще не выработался: осознанный историзм, народность, социалистический гуманизм воплощаются в их творчестве пока достаточно обобщенно. В этом — одно из важнейших отличий "социального реализма" от реализма социалистического.

Формирование нового художественного сознания — всегда сложный и длительный процесс. На стадии перехода турецкой словесности от средневекового типа к новой он растянулся более чем на два столетия. В общественно-исторических и культурных условиях современной Турции он усугублен относительной неопределенностью конкретно-исторических перспектив. Развитию социалистической мысли препятствуют противодействие официальных властей, глубоко укоренившийся национализм, традиционалистские идеи, различного рода левоэстремистские теории. Творческая интеллигенция, в своем большинстве оказавшаяся под влиянием ненаучных социалистических теорий, лишается той мировоззренческой основы, на которой только и может развиваться художественное сознание нового типа. В результате возникает плюрализм в понимании социализма, путей и способов его достижения. Анализ художественных произведений Орхана Кемала, Азиза Несина, Кемала Бильбашара, Факира Байкурта, Бекира Йылдыза позволяет увидеть, как по-разному трактуют и решают писатели эти проблемы. Особое внимание уделено в этой связи историческому роману Кемала Тахира "Родина-мать" (1968), в котором нашла художественное воплощение его традиционалистская концепция "национального социализма", получившая широкое распространение в среде интеллигенции и студенческой молодежи, роману Назыма Хикмета "Жизнь — прекрасная штука, брат мой!", рассказам Орхана Кемала.

Вполне закономерно, что "социальный реализм", порожденный художественным сознанием, в котором только обозначились черты образного мышления нового типа, не может проявить себя в "чистых" формах.

Следует принять во внимание и другой серьезный фактор — "социальный реализм" не мог сложиться как закономерное продолжение национального революционно-пролетарского искусства. Этот чрезвычайно важный в становлении социалистической литературы этап, с которым обычно связано зарождение новой тенденции, турецкое искусство миновало. Непосредственной предшественницей "социального реализма" стала критически заостренная демократическая литература. Не мог он опереться и на традиции развитого критического реализма, что вполне объяснимо, поскольку от произведений, в которых впервые прозвучали критические ноты ("Рассказы о стране" Рефика Халида Карая, 1909), его отделяли три с небольшим десятилетия.

Влияние социалистических идей обусловило ускоренное развитие критического реализма, причем этот процесс шел параллельно с возникновением элементов нового художественного метода. Однако процессы формирования новой тенденции, связанной с социалистическими идеями, зарождения нового художественного метода хотя и были взаимообусловлены, но не были тождественны и синхронны. Опыт турецкой литературы подтверждает, что необходимо время для того, чтобы "фактор идеологический стал фактором эстетическим", чтобы "идеи все более органично определяли собой художественное творчество" (Д.Ф. Марков). Вот почему своеобразие художественного метода турецкой прозы социалистической ориентации определяется взаимодействием критического реализма с элементами реализма социалистического.

Опыт турецкой литературы позволяет судить о неоднозначности и сложности процесса формирования социалистического искусства, его специфическом проявлении в литературах Востока. Это подтверждает правомерность введения понятия "литература социалистической ориентации" (Е.П. Чельшев) для характеристики тенденций, ориентированных на социализм при всем разнообразии предполагаемых путей и средств его достижения.

В главе затрагиваются и ряд других вопросов, возникающих при исследовании процессов развития прозы социалистической ориентации, в частности вопрос модификации жанра романа, что

позволяет раскрыть внутреннюю зависимость между содержательными и формообразующими факторами, трансформацией художественного сознания и появлением новых и видоизмененных жанровых структур, выявить их национальную специфику, доказать доминирующую роль романа социально-аналитического типа.

Затрагиваются и проблемы сатиры, с которой, в частности, связана углубляющаяся демократизация идейно-эстетического идеала. Включенные в инструментарий социального и психологического анализа, сатирические и юмористические приемы и средства способствуют обновлению и обогащению поэтики турецкой прозы, принципов психологической разработки характеров, сложнее, богаче становится рисунок образов. Эта тенденция рассматривается на примере анализа романов "Яшар не то живет, не то нет" (1977) Азиза Несина и "Муртаза" Орхана Кемала. Тяга к факту, к документу не исключает нарушения жизнеподобия. Развитие художественной мысли побуждает к воссозданию действительности в условных формах. "Реализм в формах самой жизни", столь характерный для "социальных реалистов" 40 - 50-х годов, перестает быть, как это доказывается анализом романа Азиза Несина "Зюбюк", безраздельно господствующей формой постижения и отражения объективного мира.

Подробно исследуется далее проблема переосмысления и переориентации традиций фольклора, обусловленная поиском национальных форм изображения жизни. В частности, прослеживается влияние дестанных традиций на образную, жанровую структуру дилогии "Мемо"- "Джемо" Кемала Бильбашара, романа "Родина-мать" Кемала Тахира. Особый интерес в этой связи представляют произведения Яшара Кемала как писателя "фольклоризированного" типа художественного мышления. В них раскрываются глубокие социально-нравственные конфликты, формирующие личность, разрывающую оковы патриархально-племенного сознания, вбирающую в себя все то светлое, разумное, что олицетворяет нравственную силу народа. В его романе "Легенда о горе Арарат" (1970) и повести "Убить змею" (1977) наблюдается убедительный синтез фольклорно-поэтических, повествовательных традиций и реалистического искусства, который отражает принципиально новую и более высокую ступень их взаимодействия и демонстрирует высокую результативность этого взаимодействия.

В третьей главе рассматривается круг вопросов, связанных с формированием субъективно-психологической прозы. В ней с особой силой выразился общий для турецкого искусства процесс политизации и идеологизации, особенно интенсивный в период необычайно обострившейся в конце 60-х - начале 70-х годов идейно-политической борьбы, втянувшей в свой водоворот широкие городские слои - мелкую буржуазию, демократически настроенную интеллигенцию, студенчество. Активизация этого процесса запечатлена в произведениях различных литературных жанров. Естественно, что пути развития современной политизированной прозы как новой идейно-эстетической тенденции в литературном процессе рассматриваются в широком политическом контексте турецкой реальности этого периода.

Интерес к политике - явление не новое для турецкой литературы, но в столь широком масштабе реакция национального искусства на политические события наблюдается впервые. Если в 60-е годы, оттеснив традиционную "крестьянскую прозу", особенно интенсивно развивается исторический роман, обращенный главным образом к поворотному этапу истории Турции - национально-освободительному движению 1919 - 1923 гг., то в следующем десятилетии центральное место в литературе занимает политический роман. Писатели чутко уловили наиболее значительные тенденции общественного развития, художественно исследовали их и только потом они привлекли внимание ученых. На направление художественных поисков не могли не оказать влияния события, способствовавшие социальному прозрению и духовной эволюции турецкой интеллигенции, творческой в частности, на долю которой выпали моральные и физические испытания в период жесточайших репрессий, последовавших за государственным переворотом 12 марта 1971 г. Столь важный в социально-политической жизни страны период стал объектом художественного осмысления еще и потому, что многие писатели оказались в центре этих событий.

Однако, несмотря на то, что основу наиболее выдающихся произведений составили одни и те же исторические реалии, связанные с 12 марта, что выразителем эстетического идеала явился герой единого типа - представитель "бунтующей молодежи" или интеллигент, осознавший свой гражданский долг, современный турецкий политический роман, обобщенно названный критикой "романом 12 марта" ("он или март романы"), - явление неодно-

родное в силу различия идейно-политических и эстетических взглядов писателей и несхожести их творческих индивидуально-стей.

Формы художественного выражения политизации литературы многообразны и разнохарактерны. Чтобы выявить ведущие тенденции этого процесса в прозе, из потока политизированной литературы были выделены произведения, тяготеющие к жанровой определенности. Это позволило условно обозначить три наиболее характерные разновидности современного турецкого политического романа: уже известные документально-политический роман, беллетристический политический роман и принципиально новая его разновидность, которая определяется как субъективно-психологический политический роман.

При сопоставительном анализе названных видов на конкретных примерах произведений Самима Коджагёза, Тарыка Дурсуна, Четина Алтана, Эрдала Оза отчетливо прослеживается обостренное внимание писателей, с одной стороны, к психологическому исследованию внутреннего мира героя, с другой - к процессу формирования политического сознания турецкого общества в целом и его отдельных слоев.

Авторам этих книг удалось нарисовать образ Турции конца 60-х - начала 70-х годов, передать типичную для этого периода накаленную атмосферу острых идеологических разногласий, бурных споров, которые захватили интеллигенцию и студенчество, показать резкие расхождения в оценке массовых выступлений, экстремистских действий молодежи, в понимании роли народа и интеллигенции, стратегии и тактики революционной борьбы, в толковании социализма и выборе путей к нему. Не случайно книга Самима Коджагёза, идейно-целевая установка которой - определение политической позиции, способной оправдать себя в социально-политической ситуации Турции рубежа 60 - 70-х годов, строится как роман-дискуссия и названа "Спор" (1976). Структурно-содержательные особенности документально-политического романа убеждают в том, что документальность - будь то подлинный документ, стилизация или ассоциативные аллюзии на известные читателю факты - несомненный признак обновления повествовательных форм.

Для понимания основных линий развития современной турецкой политизированной прозы со "Спором" Самима Коджагёза сопоставляется беллетристический политический роман Тарыка Дурсуна "И сно-

ва настал день" (1974). При всем сюжетном и структурно-образном различии оба произведения в одинаковой мере тяготеют к изображению внешней реальности, внутренний же мир героя, пережившего мартовские события, не вызвал пристального внимания писателей. Эту задачу решает субъективно-психологический политический роман.

Осознание того, что события, связанные с 12 марта, не столько повлияли на дальнейший ход социального развития страны, сколько на ее духовный климат, обусловило интерес к личности, эти события пережившей. Поэтому в центре романа оказывается не само по себе событие, а субъективное восприятие этого события, духовная эволюция человека. Но, обращаясь к внутреннему миру личности, мучительно осмысливающей трагизм происходящего, писатели не замыкают круг ее глубоко личных переживаний, а экстраполируют их на окружающую реальность. В потоке внутренней речи героя, в ассоциациях, рождающихся из столкновений временных и пространственных пластов, раскрывается не только характер личности, самой реальностью поставленной перед нравственным выбором, но и образ современности, раздираемой противоречиями трагически сложной жизни общества. Выявление глубинной связи между внутренним миром личности и общественно-политическими событиями, которые личность как бы "пропускает через себя" и которые получают сугубо "субъективную" интерпретацию, составляет художественную специфику субъективно-психологической прозы.

Субъективно-психологический политический роман создает модель общественного поведения личности, непосредственно соприкоснувшейся с трагическими событиями. Это определяет особенности его поэтики. Одним из наиболее употребительных художественных приемов снова становится внутренний монолог как емкое средство самораскрытия, самонаблюдения и самовыражения. Временной разорванности, эпизодически-фрагментарному повествованию противостоит принцип "сцепления чувств", ассоциативные связи, особенно оправдывающие себя при изображении кризисных, переломных моментов в судьбах персонажей. Для передачи напряженности интеллектуальных исканий героев авторы изыскивают новые, экспрессивные, повышено-динамичные формы повествования. Созданный ими субъективно-психологический роман "центростремительной" структуры (при всей условности этого термина, предложенного Д.В.Затонским, он в достаточной мере проясняет своеоб-

разие новой прозы) противостоит социально-аналитическому типу романа классической формы с присущей ему эпически цельной картиной мира, к которому преимущественно тяготеют писатели социалистической ориентации.

Освоение нетрадиционной структуры – не дань моде (как это окажется десять лет спустя, когда начинающие авторы сочтут "непрестижным" писать традиционно, а "традиционалисты" захотят испытать свои возможности в новой форме), не формалистический эксперимент (как это было в пору усиления модернистских тенденций). Писатели обращались к новым проблемам, которые были связаны уже не столько с обстоятельствами жизни, сколько с личностью человека, с ее нравственными и духовными исканиями, с выявлением ее роли и места в социально-политической борьбе. Форма повествования, при которой авторский голос сливается с голосом героя, позволяет говорить о лиризации эпических жанров современной турецкой прозы. Подтверждаются наблюдения, что лирическая проза, "отчасти вбирая в себя, отчасти оттесняя на второй план изображение социальной среды, способна аккумулировать актуальнейшую общественно-политическую проблематику" (Т.В. Мотылева).

Субъективно-психологическое начало романов усиливается их автобиографическим характером. Факты биографии вводятся в произведение через картины и образы реальной действительности (деятельность подпольных организаций, политические споры, аресты, допросы, пытки; образы социалистически настроенных интеллигентов, вольных или невольных предателей, зловещих провокаторов, полицейских чинов, жандармов, палачей, представителей "бунтующей молодежи"). Все это формирует исторически верное представление о сложной политической ситуации в годы узурпирования власти военными.

Субъективно-психологическая проза сложилась не без влияния западноевропейского "центростремительного" романа. Ее создатели представляли новое поколение турецких прозаиков, во многом отличное от поколения "социальных реалистов". Выходя из буржуазной среды, они смогли получить высшее образование, хорошо владели европейскими языками, имели возможность более основательно познакомиться с инациональным художественным опытом, что повлияло на характер его восприятия. Однако вне творческого освоения собственных литературных традиций они

едва ли бы написали произведения, ставшие явлением национальной художественной культуры.

Субъективно-психологическая проза аккумулировала достижения отечественной словесности – мастерство психологического анализа "литературы буналым", принципиально изменив при этом функциональную роль "внутреннего монолога", структурно-поэтологические открытия романа Назыма Хикмета "Жизнь – прекрасная штука, брат мой!", ярко выраженную антибуржуазную направленность, острый критицизм "социального реализма". От него она унаследовала и концепцию активной личности, но создала своего героя – интеллигента, участника бурных политических событий, сознательного протестанта.

Новая тенденция подтвердила, что творческие интересы писателей-реалистов смещаются в нравственно-психологическую сферу, о чем и связана углубленная разработка этических проблем. Ее идейно-эстетическое своеобразие прослеживается на романах "Строгий надзор" (1972), "Щепоть неба" (1974) Четина Алтана и "Ты ранен" (1974) Эрдала Оза. Роман "Ты ранен" представляет особый интерес не только потому, что в нем с наибольшей очевидностью воплотились характерные черты нового для турецкой литературы вида романа. Творческая биография Эрдала Оза в значительной мере показательна для поколения реалистов 60-х годов. Отказавшись от экзистенциалистской концепции действительности, они проделали сложный путь от литературы модернистского типа к реализму, от исследования личности, отторгнутой от общества, неспособной к активной деятельности, обреченной на одиночество, к изображению человека, осознавшего свою причастность к борьбе за социальную справедливость, за интересы народа. Эволюция идейно-эстетических взглядов Эрдала Оза, в которой отразились духовные искания турецкой интеллигенции, прослеживается на ряде произведений писателя, включая его публицистическую книгу "Дениз Гезмиш рассказывает" (1976) о трагической судьбе лидеров молодежного движения, и роман "Ты ранен", символическое название которого выражает не только физическое состояние героя, возвращенного к жизни усилиями тюремных медиков, но и состояние его души, израненной, но не сломленной, не покоренной.

Произведения 80-х годов свидетельствуют о том, что субъективно-психологическая проза утрачивает политическую заост-

ренность, сохраняя, однако, интерес к нравственно-этической проблематике (романы "Живя и умирая" Селима Илери, 1981; "Сад моего детства" Фейяза Каяджана, 1982; "Бабушка Зохре" Кемал Бильбашара, 1981 и др.). Тем самым подтверждается определенная закономерность, суть которой заключается в том, что при исследовании нравственно-этических проблем в их социальной обусловленности художники обращаются к той романной форме, которую создало поколение прозаиков 60-х годов, авторов "романа 12 марта".

В четвертой главе прослеживается эволюция социально-психологической прозы, роль которой все более заметна в литературном процессе.

Становление этого вида прозы (турецкой критикой она названа "течением Саида Фаика" – "Саид Фаик джереяны", по имени новеллиста, стоявшего у ее истоков) приходится на 40-е годы. Однако стремительное развитие "литературы буналым" и расцвет прозы социалистической ориентации в последующие десятилетия заметно потеснили это течение. За сорок лет своей истории социально-психологическая проза претерпела серьезную эволюцию, но и по сей день нельзя считать, что явление это – вполне сложившееся, что окончательно определены его идейно-художественные принципы. Тем более, что идея совершенствования нравственного мира человека, как средства преодоления отчуждения, привлекает к нему все новые творческие силы. Приток талантливых писателей главным образом авторов "литературы буналым" (Незихе Мериц, Кямуран Шипаль, Музаффер Буйрукчу, Бильге Карасу и др.) усиливает внутреннюю неоднородность социально-психологической прозы, поэтому необходима особая критическая зоркость и осторожность в оценках, прогнозах тех или иных ее явлений.

В поисках путей художественного освоения действительности социально-психологическая проза с первых же шагов утверждает себя как искусство реалистическое. Ее отмежевание от существовавших в турецкой словесности 40-х годов течений и направлений было связано с кардинальными, острейшими проблемами жизни и литературы. Создавая свою концепцию действительности, писатели этого течения в процессе эволюции пришли к категорическому отказу от модернистской модели отчуждения как изначально данного и непреодолимого зла, приводящего к всеобщей некоммуникабельности, настолько глубокой и последовательной,

что она неизбежно обрекает человека на полное одиночество. Модернистская концепция, предполагающая существование личности вне времени и пространства, оказалась для них неприемлемой. Но не приняли они и концепцию прозаиков социалистической ориентации, которые рассматривают отчуждение как следствие определенной общественной формации, а потому считают возможным преодолеть его путем переустройства общества и пробуждения личности к активному действию. Социально-психологическая проза предложила свою модель жизни и личности. Писатели этого течения объясняют отчуждение человека в буржуазном обществе социальными причинами. Однако в их творчестве при явственном критицизме все же отсутствует то открытое неприятие действительности, которое свойственно прозе социалистической ориентации. Они не ставят острых и масштабных проблем, не исследуют причин социальных противоречий, не выдвигают конструктивных идей решения проблемы отчуждения. Их внимание привлекает не столько социально-экономический аспект процесса отчуждения, сколько исследование духовного состояния личности в условиях отчуждения. Озабоченные судьбой человека и общества, они постулируют самую возможность преодоления отчуждения (и эта позиция сближает их с прозаиками социалистической ориентации). Но пути обретения человеческого в человеке они ищут в сфере этической. Этим в значительной степени и объясняется, что мир, в котором обитают их демократические герои (труженики города, ремесленники, интеллигенция, стремящаяся жить одной жизнью с народом), по сравнению с миром прозаиков социалистической ориентации, значительно уже. Это мир одной улицы (Октай Акбал – повесть "Улица Чужаков", 1950), одного дома (Октай Акбал – рассказ "Ноев ковчег", 1953), одной семьи (рассказы Томрис Уяр "Цветы", 1974, Музаффера Буйрукчу "Ребенок", 1960).

Сосредоточенность на этическом в эстетическом идеале как идеале добра, справедливости, стремления к гармонии обуславливает подчиненную роль социальных мотивов как в самой концепции действительности, так и в поведенческой психологии личности. Социальная мотивированность конфликтов в произведениях писателей этого течения нередко обнаруживается лишь при пристальном внимании к деталям.

Хотя анализ "внутренней действительности" человека в социально-психологической прозе и занимает центральное место, он

никогда не становится самоцелью. Этим и объясняется трансформация модернистских приемов изображения героев (монологи в духе фрейдистского психоанализа, дневники-исповеди, письма, воспоминания о детстве, смещение художественного пространства и времени и т.д.). Если прозаики социалистической ориентации исследуют сам процесс отчуждения человека от общества в его социально-исторической обусловленности, а "литературу буналым" интересует конечный результат этого процесса, т.е. не процесс отчуждения, а состояние отчужденности, деградация личности, то социально-психологическая проза концентрирует внимание на внутреннем преобразовании личности, на духовном возрождении человека, на его возвращении к самому себе и тем самым к обществу, т.е. раскрывает общественную природу человека.

Таким образом, концепция личности в социально-психологической прозе строится на идее преодоления отчужденности посредством самосовершенствования человека, в чем она смыкается с субъективно-психологической прозой, обнаруживая при этом и существенные расхождения с ней. Сосредоточивая внимание на нравственном совершенствовании человека, субъективно-психологическая проза рассматривает его как путь личности к общественно-политической активности, социально-психологическая же — как средство преодоления состояния отчужденности, возрождения социальных связей личности.

Этой разницей в позициях определяется принцип отбора жизненного материала. В произведениях социально-психологической прозы изображаются лишь те ситуации, переживания, состояния героев, которые в той или иной степени способствуют преобразованию личности, фиксируют момент ее возрождения. Отсюда — резкое смещение временных и пространственных пластов. Герои, как правило, почти лишены биографий. Не имеют особого значения в тексте и бытовые реалии. Зато важную идейно-художественную функцию несет тщательно разработанная система образов-символов, которые должны быть адекватны внутреннему состоянию героя. Это, как правило, стабильная оппозиция: свет — тьма; солнце — дождь, фонарь; прекрасное — безобразное; одиночество — люди, песни, цветы... Одним из самых емких и ключевых образов становится образ дождя, причем в отличие от своей традиционной функции он больше соответствует психологическому состоянию героя, а не его настроению. Образы света, солнца и им подобные как бы

олицетворяют путь героя к нравственному возрождению. Идейно-художественное своеобразие социально-психологической прозы прослеживается на произведениях Незихе Мериш, Бильге Карасу, Музаффера Буйрукчу, Томрис Уяр, Октай Акбала и др.

Художественной формой, с которой связаны активные творческие искания авторов социально-психологической прозы, является притча. Приметы реальной жизни, образы конкретного времени и пространства придают одним притчам иллюзию действительности, другие же — полностью условны: у героев нет ни прошлого, ни настоящего, нет имени, условно и время действия. Однако условность, как и символы, — средство выражения авторской концепции действительности.

Если писатели социалистической ориентации, как и субъективно-психологической прозы, стремятся преимущественно нарисовать такую картину жизни, которая является как бы эквивалентом объективной реальности, то представители социально-психологического течения заостряют внимание на развитии определенного нравственно-этического тезиса. Это особенно заметно на сопоставлении рассказов Бекира Йылдыза и Бильге Карасу. Проза Бекира Йылдыза эмоциональна, сама система его образов несет в себе художественное обобщение. У Бильге Карасу идея выступает в аллегорической форме, что во многом определяет и образно-метафорический строй повествования.

Поскольку, согласно закону формы, авторская точка зрения в притче сосредоточена на герое, выражающем концепцию произведения, или на нравственно-философской идее, направляющей и организующей повествование, притчевая проза тяготеет к моноструктурности, которая эффективнее реализуется в малых жанрах. По этой причине представители социально-психологического течения обращаются к повестям и рассказам. В них изображены конкретные, хотя и не всегда жизненные, ситуации, в которых заключается нравственно-этическая доминанта характера, позволяющая прочитывать произведения с разных социальных, национальных и психологических позиций.

Однако сама по себе структура произведения не дает оснований выделить внутри социально-психологической прозы какие-либо определенные линии. Неправоммерно было бы пытаться сделать это и на основании общих содержательных признаков, одним из которых может быть социальный мотив, потому что у од-

ного и того же писателя встречаются очень разные, с этой точки зрения, произведения (социальные мотивы ^{наиболее} устойчивы в творчестве Октава Акбала, которого по праву следует считать непосредственным преемником Саида Фаика).

Притчевые формы издревле известны словесному искусству народов Востока, турецкого в частности. Однако ныне, преодолев иллюстративность, схематизм, умозрительность, морализаторство, притча обретает нравственно-философскую направленность и привлекает авторов, "ищущих выхода к этическим первоосновам человеческого существования, к внутренне обязательному и необходимому" (С.Аверинцев). При этом следует учитывать, что глубинная связь с национальными традициями не исключает известного восприятия социально-психологической прозой опыта западноевропейской новеллистики.

Обращение к притчевым формам свидетельствует о стремлении художников к философскому осмыслению мира. Слияние социального, психологического и философского начал составляет важнейшую особенность социально-психологической прозы. В этом ее значимость, то ценное, тот плодотворный опыт, которым она обогатила искусство своей страны.

В Заключении подведены итоги исследования, сформулированы наиболее общие выводы, определены некоторые перспективы и задачи изучения литературы Турции, важные для углубленного теоретического осмысления литературного процесса на Востоке, мирового литературного развития в целом.

1. Все разнообразие крупнейших художественных явлений, характеризующих поступательное движение современного словесного искусства Турции, может быть объективно расценено лишь с учетом социально-политического контекста и тех глубинных изменений, которые происходят в общественном и философско-эстетическом сознании.

2. Прямую связь с трансформацией философско-эстетического сознания обнаруживает характер литературного процесса. Усиливается его динамизм, проясняются и определяются концепции мира и человека, вырисовываются границы художественных направлений, все резче проступает их внутренняя дифференциация.

3. Реалистическое направление обогащается и усложняется, отражая существенные перемены в творческом восприятии и художественном пересоздании действительности. Функционирующее в

его русле течение "социального реализма", отражающее движение общественного сознания к социализму, становится идейным и художественным центром литературного процесса, в нем отчетливо проявляются демократические и социалистические тенденции национальной культуры. "Социальный реализм", благодаря тем новым чертам, которые он обретает, впитывая социалистические идеи и трансформируя их в соответствии с конкретной исторической реальностью, обнаруживает известную близость социалистической литературе. Но, как явление автохтонное, сложившееся в особых общественно-исторических условиях и воплощающее определенные национально-культурные традиции, он имеет свои специфические особенности. В нем взаимодействуют элементы критического реализма и реализма социалистического. Сущностные черты социалистической литературы выражены слабее. "Социальный реализм" следует рассматривать как явление переходное, как определенный тип литературы социалистической ориентации – восточной ветви социалистической литературы мира.

Турецкая проза социалистической ориентации подтверждает, с одной стороны, неоднозначность путей формирования социалистического искусства и своеобразие этого процесса в странах Востока, с другой – реальную возможность осмысления социалистически ориентированных литератур Востока как органического компонента мировой социалистической художественной культуры.

4. Закономерный для "социального реализма" синтез традиций устного народного творчества и реалистического искусства обуславливает углубление демократического и гуманистического начал литературы, яркость ее национального облика, обогащение выразительных средств, расширение жанрового диапазона. В художественном претворении фольклорных традиций обозначаются две тенденции: фольклорность как органический элемент, имманентно присущий "фольклоризированному" типу художественного мышления, и сознательное использование опыта народного творчества в качестве барьера на пути вторжения буржуазного Запада в социальную и духовную жизнь турецкого общества, в качестве средства национального самоутверждения и одновременно противопоставления национального художественного опыта литературе модернистского типа с ее тенденцией к ослаблению национального начала, а в отдельных случаях – и вообще к денационализации.

5. Субъективно-психологическая проза, сложившаяся в условиях накаленной политической атмосферы и отразившая возрастающую роль турецкой интеллигенции в социально-освободительной борьбе и одновременно сложный механизм формирования ее политического сознания, — свидетельство ориентации писателей на постижение важнейших общественно-исторических закономерностей. Существенно, что стремление новой прозы исследовать психологию поведения личности, ее нравственный потенциал как критерий общественной ценности человека обусловило возникновение новой "центростремительной" романной формы. Литература обрела большую психологическую углубленность, выразившуюся в сплаве эмоционального, лирического и интеллектуального начал.

6. Под знаком психологизации и интеллектуализации развивалась и социально-психологическая проза, расцвет которой объясняется острой потребностью обнаружить стабильные ценности и ориентиры в чрезвычайно сложной, противоречивой, насыщенной конфликтами современности. Идеи совершенствования человеческих отношений и самого человека нашли выражение преимущественно в притчевых формах. А это означает, что параллельно с эмоционально-образным типом обобщения получали развитие формы абстрактно-аллегорические, апеллирующие к рациональному началу более, чем к чувственному. Попытка философского осмысления действительности воплотила стремление художников слова к восприятию мира в его целостности, нерасчлененности. Если турецкую литературу нового времени характеризовал социально-этический пафос, а ведущей была социальная проза, то ныне в ней все сильнее ощущается философско-этическая тенденция.

7. Поиски новых путей и возможностей художественного познания действительности, изображения усложняющихся связей с ней человека обусловили изменение картины иерархии жанров. Господствующее положение занял роман. Опираясь на национальные традиции, он достиг равновесия между романной идеей и романным мышлением, обрел способность более полно и последовательно воплощать специфику национального бытия. Доминирует социально-аналитический тип романа. Однако при этом разрушаются канонические принципы его классической формы — меняются функции художественного времени и пространства, способы выражения авторской позиции, развиваются сатирический, документально-политический, беллетристический политический и другие ви-

ды романа. Формируются новые романские структуры. Автор не решается делать выводы о перспективах развития турецкого романа. Практика показывает, что довольно часто прогнозы такого рода опровергаются реальным литературным процессом. Так, есть определенная закономерность в том, что в 80-е годы, когда продолжает преобладать роман социально-аналитического типа, исследование нравственно-этических проблем в их социальной обусловленности влечет художников к структурам, рожденным в творчестве поколения прозаиков 60-х годов, романский строй классического типа интересует их в значительно меньшей степени.

8. При всем различии творческих исканий проза социалистической ориентации, субъективно-психологическая и социально-психологическая развиваются в русле единого реалистического направления. Взаимно обогащая и дополняя друг друга, они усиливают позиции реалистической литературы, которая обрела способность масштабного осмысления действительности, судьбы человека в его социально-психологических и нравственно-этических воплощениях и связях, что является наглядным отражением эволюции национального художественного сознания.

9. Литература модернистского типа, противоречиво отражавшая жгучее неприятие буржуазного образа жизни, но альтернатив ему не искавшая, изживает себя. Наиболее талантливые ее представители примыкают к различным реалистическим течениям. Процесс этот, носивший "массовый" и быстротечный характер, вполне естествен и закономерен. Он обусловлен как спецификой самой "литературы буналым", целиком в русле модернизма не укладывавшейся, так и духовными и общественно-политическими процессами, требовавшими от творческой интеллигенции занять активную гражданскую позицию. Судьба этого направления свидетельствует, что модернизм в литературах Востока — явление своеобразное, более того, неоднозначное для различных его историко-культурных регионов.

Дальнейшее изучение турецкой литературы, по мнению автора диссертации, целесообразно вести в следующих направлениях:

Необходимо изучение в историческом и сравнительно-типологическом аспектах литературы (прозы и поэзии), испытывающей воздействие социалистических идей, чтобы не только углубить знания о процессах развития самой турецкой литературы,

но дополнить и уточнить существующие представления о важнейшей закономерности мирового литературного развития. Учитывая, что литературы ближне- и средневосточного регионов не обнаруживают течений, по своим сущностным признакам сопоставимым с "социальным реализмом" (это, однако, не исключает наличия в них отдельных сходных явлений), что исследование социалистических тенденций в литературах Востока только начинается и пока не позволяет перейти к углубленным типологическим сопоставлениям, плодотворным представляется обращение к опыту южно- и западнославянских литератур, которые после второй мировой войны складываются как социалистические. В диссертации обоснованы и правомерность, и научная перспективность предлагаемого поиска.

Несомненный историко-теоретический интерес представляет вопрос о роли фольклорных традиций в формировании турецкой литературы, в ее движении к современным формам реалистического искусства. Особое внимание, думается, следует обратить на развитие и трансформацию дидактических традиций, учитывая, что "путь к психологической прозе, к постижению диалектики чувств современного человека проходил в литературах Востока через мощный пласт абстрактно-назидательного повествования" (З.Г.Османова).

Специального исследования требуют генезис жанра романа и пути его развития, а также типология функционирующих романских структур. Работы такого рода важны для выявления признаков национальной самобытности и универсальных свойств современной турецкой литературы. Кроме того, они должны подтвердить, что турецкий роман, вопреки сложившемуся в науке мнению, - явление самобытное, развивающееся на базе творческого освоения традиций и вбирающее в себя достижения мирового художественного опыта в соответствии с потребностями и задачами собственно национального искусства. Одновременно они позволят выявить, в силу каких причин, под воздействием каких факторов турецкий роман в чрезвычайно уплотненные исторические сроки прошел этап дореалистического развития, укрепился на позициях реализма и стал решающим фактором поступательного движения национальной литературы, т.е. помогут уяснить многие узловые проблемы развития художественной культуры Турции нового и новейшего времени.

Основные положения диссертации
изложены в следующих публикациях:

1. Турецкая проза 60 - 70-х годов. Основные тенденции развития. М.: Наука, 1982. - 215 с.
2. Правда без прикрас. - Орхан Кемаль. Мстительная волшебница. М.: Наука, 1967, с.102 - 127.
3. Проблемы модернизма в современной турецкой литературе. - Problemy literatur orientalnych. Materiałi II Międzynarodowego sympozjum, Warszawa-Kraków 22-26 maja 1972. Warszawa, 1974, с.193-198.
4. ^{ко} Восточнистские идеи в современной турецкой прозе (на примере романа Кемала Тахира "Родина-мать"). - "Народы Азии и Африки", 1975, № 1, с.122 - 129.
5. Некоторые особенности современного турецкого критического реализма (на примере новеллистики Бекира Йылдыза). - "Народы Азии и Африки", 1976, № 6, с.114 - 124.
6. О фрейдистской и экзистенциалистской тенденциях в современной турецкой литературе. - Идеологическая борьба и современные литературы Востока. М.: Наука, 1977, с.56 - 68.
7. Современный турецкий политический роман. - Литература стран зарубежного Востока 70-х годов. Новый этап развития реализма. М.: Наука, 1982, с.77 - 98.
8. Фольклорные традиции и проза Яшара Кемала. - "Edebiyat". A journal of Middle Eastern Literatures. University of Pennsylvania, 1981, N 1-2, с.135-149
(на английском языке).
9. Национальная специфика современного турецкого романа. - "Gösteri". Istanbul, 1986, № 60. - 0,3 п.л.
(на турецком языке).

